

НОВЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА: ЕРЕВАН И ТБИЛИСИ

6 декабря 2012

Александр Искандарян, Институт Кавказа: Сегодня очередные общественные дебаты Фонда им. Генриха Белля, которые проходят в Институте Кавказа. Общественные дебаты сегодня посвящены городу, точнее городам, точнее образам городов. Называет это Новый образ города. Ереван и Тбилиси. Вести будет писатель Давид Мурадян. Вести не только в смысле модерировать, но и участвовать, спорить, ругаться, может быть. Наш гость Ладос Вардосанидзе, архитектор, урбанист из Технического университета Грузии. Грачья Погосян, заместитель председателя градостроительного совета мэрии Еревана и Левон Абраамян, этнолог, членкор Национальной академии наук. Каждый из них выступит с короткой речью, после которой у нас у всех будет возможность задать вопрос, высказать мнение, согласиться или не согласиться. На этом я закончу и передам бразды правления Давиду Мурадян.

Давид Мурадян, писатель. Я долго думал вчера, почему именно мне предложили вести эти дебаты. Первая версия была такая – может они узнали, что я родился недалеко от Оперы, в 10 минутах ходьбы. Но потом я понял. Это Фонд им. Генриха Белля, это мой любимый писатель, и я зачитывался им. И замечательно, что именно этот фонд проводит такие дискуссии. Замечательно, что предметы этой дискуссии – Тбилиси и Ереван. Новый образ города. Там, наверное, не только архитектура. Ибо образ города – это еще и горожане. Ибо образ города – это еще и определенный стиль жизни. Ибо образ города – это еще и система определенных ценностей, которые, хочешь - не хочешь, выражаются в этом городе, имеют свою метафизику, имеют свою диалектику. Всегда интересно понять, на определенных этапах, что осталось от метафизики, что привнесла диалектика, что нашли, что потеряли, и каким образом новые времена находят себя в старом городе. Мне кажется, что разговор будет в пределах именно этих вопросов. Наши уважаемые докладчики (это такое слово из собраний партийных), специалисты по 10-12 минут выступят со своим видением, после чего могут быть вопросы и свои соображения, свои наблюдения. И я считаю, что этот разговор нам всем необходим, ибо это есть среда нашего ежедневного обитания и поэтому нам всем хочется, чтобы нам было интересно и комфортно в собственном городе, чтобы у нашего города был бы свой неповторимый адрес; чтобы в городе было то, что называли гений места, а речь не идет о гениальности, речь идет об особом смысле места. Здесь есть журналисты, и я воспользуюсь этим и скажу, что в нашей прессе “гений места” часто переводится как “տեղի հմուտը”. Ничего

подобного, дорогие мои, это “սեղանի խորհուրդ”, просто учтите. Так, и естественно, по незабываемому закону гостеприимства, который действует и в Грузии и в Армении, первое слово передается господину Ладо Вардосанидзе, профессору Грузинского технического университета. Пожалуйста.

Ладо Вардосанидзе, архитектор-урбанист: Спасибо. Բարև Ձեզ. Я приветствую всех Вас и благодарю за то время, которое вы уделите нашей встрече, тем более – это самое ценное время, с двух часов, я понимаю, у всех свои дела. Прежде чем начать мое 10-минутное сообщение, я бы с удовольствием, что называется, предложил бы Вам просмотреть эту публикацию, если не трудно, по рядам, по диагонали просмотреть, потому что это лучшая иллюстрация того, о чем я хочу с Вами говорить. Прежде всего, спасибо за такое начало, вы абсолютно правильную тональность задали нашей встрече, потому что все больше убеждаются наши общества, что город – это не здания, а люди, и это не тип застройки, а способ человеческого общежития. Мои слова – это слова Исидора Севильского. Представляете, сколько лет этой сентенции, но только сейчас в наших условиях, в Постсоветском пространстве, на Южном Кавказе мы начинаем это осознавать. Мы – это гражданское общество, в первую очередь, отчасти профессионалы, отчасти, потому что у наших архитекторов есть такое профзаболевание: мы считаем, что все можно решить на кончике карандаша или у монитора компьютера. На самом деле это не так, и в это я убедился давным-давно, когда сразу начал свою профессиональную деятельность в качестве архитектора-проектировщика и почувствовал какую-то пустоту. Пустоту в том смысле, что я не увидел человека в моей профессии. После этого я пытался определиться и пришел к выводу, что конечно, город – это люди. Этот вывод сегодня обретает совершенно иной смысл в том плане, что в развитии городов мы все больше отходим от слова градостроительство и переходим к выражению «развитие городов», благо английское понятие «urban development» позволяет нам трактовать это слово и как строительство, и как развитие. Это преимущество английского языка. Можно выделить два полюса в городском развитии или два подхода, две методики, если угодно. Это, опять-таки, я воспользуюсь, извините за англицизм, но это как бы “hardware” и “software” в градостроительстве. Вот я буду говорить о software, потому что это значительно интереснее, мы здесь проявляем новые подходы, и я думаю, это как раз и есть смысл нашей сегодняшней встречи. Что касается темы, которая обрисована в названии – это Новый образ города: Ереван и Тбилиси. Я бы акцентировал здесь букву или союз “и”. “И” потому что мы действительно “и”, Грузии и Армения. И географически, и, я бы сказал, исторически. Тем более что наши города, тут позволю себе короткий экскурс, чтоб показать, как связаны были наши города и как до сих пор это связь существует в коллективном сознании, и может быть в функционировании наших городов. Если вспомнить Тифлис до независимости, известно, что все три страны Южного Кавказа объявили независимость в 18-ом году в течение трех дней, тогда Тифлис был в значительной степени армянским городом. Ввиду того, что Ереван, по тем временам, не

давал той среды, материальной или хотя бы культурной, которая позволяла бы ему играть роль столицы независимого государства, то значительная часть Тифлисского армянского сообщества переехала в Ереван. Перед приездом сюда я просматривал путеводитель, известную серию Григория Москвича, это 10-20-ые годы, издание было 25-го года, и он описывал Ереван 23-го года, примерно 50,000 жителей, которые занимаются в основном виноградарством, садоводством и рисоводством, для меня это было довольно странно. Сегодня Ереван по количеству жителей обогнал Тбилиси, я бы сказал так. Но тот вакуум, который образовался в Тбилиси в связи с переездом большей части населения не только количественной, но и качественной, из Тифлиса в Ереван, смогла заполнить наша интеллигенция, грузинская интеллигенция, которая к тому времени формировалась в Кутаиси - во втором по значению городе, который сегодня претендует на выполнение каких-то столичных функций. Если успеем, мы об этом тоже поговорим. В свою очередь Кутаиси заполнился сельскими мигрантами из региона Мерети и так далее. Т.е. вот эта связь прошла через человеческие судьбы, через нашу общую историю и т.д., поэтому все это так исключительно интересно. Что касается нового образа города, я бы уточнил и сказал, что это новая идентичность города, потому что образ города не стоит трактовать в том смысле, в котором его понимает известный теоретик градостроительства Кевин Линч. Наверное, знаете его известную монографию Image of the City [Образ города], которая в свое время была переведена на русский язык и издана Строй.Издатом. Несколько о другом пойдет, наверное, речь: о той новой городской, урбанистической политике, с помощью которой возможно добиться каких-то определенных результатов. В наших городах произошли, я бы сказал, тектонические изменения. И самое главное, конечно, изменение формы собственности на землю. Через это прошли или проходят все наши города, возникают новые отношения. И интересно то, что один из лидеров современного урбанизма считает, что в современном мире конкурируют с собой не столько страны, сколько города. Это положение очень хорошо сказывается или проявляется в возникновении понятия глобальных городов. Это те города, в которых происходит управление всеми экономическими, социальными и, как мы убеждаемся в последнее время, политическими процессами. Три глобальных города: Нью-Йорк, Лондон, Токио. Следующий эшелон – это Париж, Франкфурт, Сингапур, Гонконг. Особняком стоит Москва. Вот такой подход выявил необходимость ранжирования городов, т.е. что происходит с этим бесконечным континуумом городских поселений во всем мире. Хорошо, есть глобальные города, а как же остальные? Остальные находятся в состоянии острейшей конкуренции. Ранжирование городов и их классификация была свойственна и Советскому Союзу. Наши правила ранжирования городов были в основном по количеству населения, по хозяйственному профилю, по административным функциям и т.д. Т.е. были столичные города: Москва, столичные города республик или областные центры и т.д. Т.е. это была не просто иерархия в списке городов, но это была возможность для города получить те или иные блага, например, город мог начать строительство метрополитена только достигнув миллионного количества жителей. Были какие-то количественные

параметры, были параметры, я бы сказал, социально-культурного свойства. Начиная от маршрутов зарубежных гастролеров и заканчивая тем, куда ввозились марокканские апельсины. Поэтому те, кто бывали в те годы, часто видели подмосковных жителей, которых называли парашютистами за громадные рюкзаки за спиной, куда они набивали докторскую колбасу и марокканские апельсины. Такой подход сегодня меняется. Уже централизованно ранжировать города не представляется возможным на фоне, по крайней мере, декларированного развития местного самоуправления. Так что же должно происходить с городами, надо ли пытаться их ранжировать вообще? Такая попытка была сделана в самом начале независимости, в начале 90-ых годов, но коснулась она только балтийского региона. Была проведена ранжировка по пяти параметрам с целью привлечения инвесторов и т.д. Я об этом говорить не буду, я упомянул Балтию только потому, что в нашем Черноморском регионе, где мы живем, до сих пор такой попытки ранжирования предпринято не было. Это мешает ориентироваться инвесторам, распределению финансовых потоков и т.д. Что еще интересно в этом подходе к urban development. Мне кажется, что очень интересны новые подходы, неологизмы, «branding» городов, который заменил ранее используемый термин – маркетинг городов. Извините за англицизм, но все это новые термины. Брендинг городов – это формирование устойчивого имиджа города, направленного на определенные целевые группы. Эти целевые группы могут быть любые, начиная от туристов, кончая девелоперами и самим населением городов. Очень интересен вопрос слоганов городов. Я сейчас пунктиром прохожу по тем темам, которые могут заинтересовать аудиторию. Слоганы пытаются, с одной стороны, передать суть города, а с другой привлечь как минимум туристов. Поэтому я попросил принести плакат, хотя может, словесно скажу, так сказать вербально, а потом напишу об этом. Есть очень интересные находки слоганов городов, например, «Only Lion». Обратите внимание, перестановка слогов дает то же самое. Что еще можно сказать. Ну, есть обыденные, простые слоганы. Например, Стокгольм говорит, что он – Венеция Севера, Эдинбург – Афины Севера. Т.е. здесь подчеркивается вторичность города, что не очень привлекательно. Наверное, самый оригинальный, эффектный слоган у Амстердама: «I am Amsterdam», т.е. «am» переносится. Это обыгрывается очень часто, кто был в Амстердаме, наверное, видели громадный слоган на главной площади. Что в этом отношении происходит с Тбилиси. Кстати, я не знаю, есть ли у Еревана свой слоган. Розовый Ереван, да. Это принято ереванским сообществом. От розового туфа, наверное. Тоже хорошая находка. Тбилиси уже несколько лет эксплуатирует слоган “Город, который Вас Любит”. Но в Тбилиси каждую весну проводятся очень интересные экономические форумы, и один американский исследователь, который очень хорошо знает нашу жизнь, с юмором сделал такую вставку: “Город, который любит некоторых из Вас”, имея в виду те слои населения, которые не являются бенефициарами процессов, происходящих в городе. Это конечно и экономические аутсайдеры, и люди с ограниченными физическими возможностями, у которых нет возможности пользоваться тротуарами, лифтами, учиться в высших учебных заведениях. Я представляю Технический

университет, в котором обучаются 18,000 человек. Я ни разу не видел человека на коляске. Это не значит, что грузины самая здоровая нация – у нас 250,000 инвалидов в стране, но их не видно на улице. Самое большое открытие для нашего человека, попадающего за границу, – это обилие людей с ограниченными возможностями, в самом хорошем смысле этого слова, которые принимают участие в общественной жизни, заполняют общественные пространства и т.д. Теперь, о конкретных шагах, предпринятых нашим уже прежним правительством. Вы знаете, что после первого октября мы переизбрали наш не курс, а образ жизни, можно сказать, и ценности. Архитектура в этом смысле играла не последнюю роль, но играла ее не совсем честно, не совсем искренне. Одним из лозунгов нашего прежнего руководства была прозрачность, транспарентность. И эту транспарентность пытались преподнести через стеклянный фасад зданий. Самое интересное из этих зданий – это здания Министерства иностранных дел, на пути из аэропорта к центру города. Архитектурно достаточно интересное здание. Но тут же фольклор дает такие интересные названия этим зданиям: например, гармонь, т.е. такой образ человека играющего на гармонии. Что интересно, вы не увидите ни одного человека со стороны трассы аэропорта, все происходит сзади. Опять-таки, это такое чисто формальное отношение к архитектуре города. В этом смысле несколько таких знаковых проектов реализовано в Тбилиси, потому что знаковые проекты играют большую роль не только в образе, но и в экономике города и лучший архитектурный пример, известный, наверное, и здешней общественности – это музей Гуггенхайма в Бильбао. Одно здание, которое изменило жизнь города, не образ города, а жизнь города. Жизнь города, экономика которого полностью провалилась: металлургия, тяжелое машиностроение, судостроение, и ориентация сменилась с экономики на туризм, интеллектуальное развитие и так далее. Дальше идет Глазго. Возник, кстати, эффект Гуггенхайма, т.е. тиражирование музеев. Не только в Нью-Йорке и Бильбао, но и в других городах. В этом году, кстати, открывается музей Гуггенхайма в Абу-даби, уже 12-ый по счету. И даже уже идет разговор, что происходит перегрев этого образа, как идет перегрев образа Макдональдса во многих странах. Такими зданиями в Грузии стали в первую очередь здание Парламента, которое помещено на обложке журнала, это здание моста, которое вызвало очень большие споры в Старом Тбилиси, вы, наверное, знаете об этом. Тут же приклеились метафорические названия, но не все эти названия в рамках корректности, поэтому я воздержусь. Это здание Министерства юстиции, которое уже окрестили как собрание грибов-поганок, дворец президента, который разросся из бывшего здания полиции и т.д. Вопрос парламента – это совершенно иной вопрос, это вопрос выноса центрального аппарата в другой город, Кутаиси. Вы, наверное, знаете, что прежнее правительство даже изменило конституцию для того, чтобы вписать туда, что место расположения парламента – это город Кутаиси. Ну, примерно, если бы вы перенесли парламент в Гюмри без учета контекста, исторического и культурного потенциала города и т.д. Так что нам есть о чем поговорить, Повторюсь, для меня большая честь говорить о

том, что между нашими городами существует генетическая связь, я с удовольствием послушаю своих коллег, и если будут вопросы, отвечу на них. Благодарю.

Д.М.: Спасибо. Спасибо за такой гуманистический срез проблемы. Вы сразу, говоря о Тбилиси, исходили из человеческого пространства, которому все должно быть подчинено. Теперь нам интересно послушать господина Грачья Погосяна, известного мастера, профессора. Его видение Еревана, его понимание Еревана в этом контексте.

Г.П.: Я приветствую Вас всех и рад общению, рад выступить перед вами. Я хотел бы на те же аспекты посмотреть с точки зрения архитектора, потому что те проблемы, которые выдвинул уважаемый господин Ладо, очень правильные, но я немного не согласен с ним в том, что, конечно, очень важно иметь в виду, что город - это не только архитектура, но и люди, жители, граждане и т.д. Но я хотел бы сказать, что архитектура, имея колоссальные возможности воздействия на умы людей, их сознание, а иногда и подсознание, является важнейшим фактором формирования, воспитания человека. Потому что человек рождается и умирает в архитектуре, это неизбежно. Архитектура везде: это градостроительство, это здания, это тротуары и т.д. Т.е. вся атмосфера, где мы живем. И в зависимости от того, в какой атмосфере человек рождается и живет, воспитывается, вне зависимости от родителей этого человека, от него самого, мне так кажется, сам образ этого человека. Потому что невзрачное окружение, невзрачная архитектура, агрессивное окружение воспитывает именно такого человека. Это мне кажется, идет обратный процесс: архитектура воспитывает человека, а человек создает архитектуру. Это с одной стороны. А с другой стороны, естественно, как архитектура создается в разные времена, в зависимости от политического строя, от общественного устройства страны и города. Мне кажется, это тоже очень важная вещь, потому что когда мы умозрительно рассмотрим проблемы этих городов и всех этих архитектурных явлений в мире, то поймем следующее: что архитектура – важнейшее орудие или оружие утверждения определенной идеологии правящего класса. Начиная от египетских фараонов, потом Греция, Афины, фашистская Германия даже, сталинизм и т.д. Во все времена эти диктаторы, руководители государства скорее понимали громадное значение архитектуры в деле самоутверждения и утверждения идеологии. И тем самым они имели возможность воздействия на широкие массы людей, тех людей, которые живут в этих городах. Так воспитывались эти люди, которые жили в таких городах, а также следующие поколения. Что касается нас, я имею в виду Ереван, то нужно иметь в виду, что основная часть нашей элиты, то как справедливо заметил мой коллега, она творила и, как сегодня говорят, инвестировала свои возможности в других городах – Тбилиси и т.д. И поэтому Ереван до 20-ых годов был не тем Ереваном, который мы сейчас привыкли видеть. Это был такой захолустный поселок, нам сейчас неприятно это говорить, но это так. Это был город, в котором были дома нескольких богатых армян, и все, на этом все заканчивалось. Где заканчивалась железная дорога. А вот уже после советизации появились люди, которые захотели превратить этот город в столицу, и превратили. И Таманян, Сарьян и т.д., которых пригласили в это время

и которые начали при советской власти уже творить, они создали этот город. Таманян создал его практический из ничего. Они создали стиль архитектурный, который мы потом приняли как свой, он создал первый генеральный план и т.д., и т.д., и создал этот город. Но будучи гениальным архитектором, он положил основы того, создал разметки по городу, положил основы того, что в дальнейшем превратилось в тот город, который мы сегодня знаем. И Оперный театр, институт, вот эти все углы он как-то забил и установил транспортные связи и т.д. Что касается сегодняшнего дня: я должен сказать, что наш город развивается сегодня не в пример прошлым годам, немного хаотично. Сегодня, с изменением устройства политического, когда появились частные собственники и т.д., и ввиду того, что раньше основным заказчиком была власть, городские власти и т.д., а сегодня появились новые инвесторы – это все привело к хаотическому развитию. Но, чтобы перейти к сегодняшнему дню, я должен сказать, что воспринимая это как определенный этап, который нужно пройти, сегодня городские власти пришли к тому, что нужно прислушаться к мнению специалистов. Раньше этого, может быть, и не было. Сегодня создали большой Градостроительный совет, который состоит из шести советов, один из них – главный – это архитектурный совет. Вот эти архитекторы имеют какую-то возможность воздействия на облик нашего города. Я не могу сказать, что они могут все, но они могут очень многое. Что касается традиций: я считаю, что традиции – это очень важная составляющая городской жизни. Потому что традиции связывают прошлое с настоящим. Вот это связь прошлого времени с настоящим осуществляется именно традициями. Теряя традиции в городе, мы теряем эту связь, разрываем представление с тем, что было до нас и что должно быть после нас. К сожалению, у нас с этим плохо, очень плохо. Мы сегодня видим на каждом углу новый магазин, новое кафе, новую аптеку и т.д. Я всегда привожу пример аптеки в Таллинне. Если вы там были, то, наверное, видели. Там где-то на углу площади есть аптека, которая действует как аптека на этом месте уже 200-300 лет. И эта аптека, которая из себя ничего не представляет, но всегда была там и будет там, приводит к чувству постоянства. В обратном случае, когда все меняется, когда сегодня здесь аптека, а завтра колбасный магазин, мне кажется, приводит к тому, что человек чувствует себя «временщиком». Мне кажется – это очень страшная вещь. Человек должен чувствовать, что вчера, сегодня и завтра – это единая линия. Это время, которое начиналось вчера, сейчас уже сегодня, и так будет и дальше. Это, может быть все, что я хотел сказать.

Д.М.: Спасибо, спасибо за аптеку, такая есть еще и в Адене. Спасибо. Левон Абрамян, этнолог, культуролог, членкор Академии наук.

Л.А.: Спасибо. Спасибо моим коллегам. В отличие от них я представляю то, что Ладо сказал: urban development. Тоже начну с англицизма. «Urban Studies» – вот что я в данном случае хочу представить. Но в его антропологическом, культурологическом аспекте. Как раз, я думаю, все три собеседника, и Давид, который все знает, представляют, в общем, все линии города. Господин Погосян очень верно заметил, что архитектура очень сильно

влияет на то, о чем сказал дорогой Ладю. Человек живет в архитектурном окружении, и определяется сам, а потом сам определяет архитектуру, как господин Погосян сказал. Но это часто не так, потому что часто за него это решают власти. Об этом он тоже сказал, так что я хотел бы поменять акценты, тем более, что мои главные задачи, тезисы он уже высказал. Поэтому я добавлю, немного в другом ключе. Считается, в литературе, в частности, Мишель Фуко высказывает такое мнение, что архитекторы обладают меньшей властью, чем другие ключевые фигуры. Но, в принципе, не изучал архитектуру тоталитаризма и поэтому судит по истории больше чем по современной истории. Сегодня она играет громадную роль, и я очень кратко попытаюсь представить свой взгляд на то, что происходит в Ереване и какой он, и какие перспективы развития, и какой у него облик и образ с культурологической точки зрения, имея в основе замечательный труд Владимира Папенного «Культура 2». Культура 2, когда переводили на английский язык, чтобы было более понятно, перевели как Культура эпохи сталинизма. Но это не совсем так. Потому что Культура 2 гораздо более глубокий термин. Затем стали использовать термин тоталитарная архитектура. Это уже близко, но все равно не определяет это. Но вот в двух словах, Культура 2 подразумевает после революции наличие такой горизонтальной, эгалитарной культуры, выраженной также в архитектуре. И вот в 30-ые годы наступает такой период застывания, вертикальность и иерархичность – элитарность в сегодняшнем нашем наиболее полном смысле слова. Вот в этом ключе Таманян не рассматривался. Вот я пытаюсь рассматривать Таманяна именно в этом ключе, и наш город тоже в этом ключе. Оказывается, совсем по-другому выявляется роль Таманяна в этом ключе. И то, что в Москве идет борьба двух тенденций, ведь здесь тоже шла борьба двух тенденций, но здесь вкуче осуществлял их Таманян. Его народный дом – то, что сегодня стало зданием Оперы и Балета задумано именно как эгалитарное здание типа Дворца Советов. Вместе с тем, оно имеет наполовину образ культурный. Это очень любопытная вещь, которая не входит в московские типичные рамки развития тоталитарной культуры. Но что получается? Приходит 34-ый год, и после того, как в Москве уже утвердили, начали строить Дворец Советов со стометровым Ленином наверху, Таманян приходит к мысли (вроде бы его натолкнули на эту мысль) о постройке, только в его представленном проекте Народного дома уже есть Ленин на вершине. Т.е. он приближается к московскому типу такого тоталитарного здания. Может, не по своей воле, но он в этом участвовал как архитектор, который делает заказ власти, так скажем. В этом плане господин Погосян меня понимает, потому что я его тоже считаю жертвой. Сегодня он вынужден делать здания, спасая их. При этом делает он это грамотно, спасая. Это уже совсем другой разговор. Но архитекторы и власть находятся в таких очень сложных отношениях. И вот приходит 36-ой год, Таманян умирает, Дворец советов тоже приостанавливают из-за нехватки средств, более того, начинается война, уже средств действительно нет. Но вместо этого в Москве строятся другие здания сталинской архитектуры: известные высотки, Ломоносовский университет и прочее. В Ереване удивительным образом происходит совсем по-другому. Таманяна нет, тоже нет средств, чтобы строить его последний проект. Его редактирует

война, время и его сын. Его сегодня забыли, но замечательный ребенок оказался, архитектурный редактор, который отредактировал здание так, что оно стало тем, как мы сегодня знаем Таманяна. Таманян сегодня творение его сына. То же самое можно сказать о здании парламента, извините, правительства, которое тоже очень удачно отредактировал его сын. Вот это то, о чем я хотел бы в двух словах сегодня сказать. По велению амбиций или по велению я не знаю чего, последователи Таманяна сегодня возрождают этот тоталитарный строй в лице Марка Григоряна. Я ничего прогив него не имею, я имею в виду культурологический анализ его зданий по сравнению с тем, что делал Таманян. И сегодня возрождается этот строй по диктовке властей или самих архитекторов, которые получают свою власть. Северный Проспект – это ярчайший пример сегодняшней Культуры 2, который имеет под собой некую основу, который уже говорит о некоторых тенденциях политической жизни. И неожиданную роль начинает играть церковь, которая также диктует тоталитарные веяния в архитектуре. И Ереван неожиданно, со временем приобретает хаотический облик, как правильно заметил господин Погосян, который приходится спасать архитекторам. Наверное, на этом я остановлюсь. Это мое видение облика и грустный взгляд в будущее.

Д.М.: Спасибо. Пока не загрустишь, не поумнеешь, я думаю. Теперь, наверное, у наших молодых коллег в аудитории могут быть вопросы к нашим трем докладчикам. Просьба, чтобы они представились и сформулировали свои вопросы не как выступления, а именно как вопросы. Спасибо, пожалуйста.

Нина Искандарян, Институт Кавказа: Огромное спасибо всем трем профессорам за очень интересные доклады. Вот то, что Левон Абрамян называет Культура 2, т.е. то, что собственно называется Культура 2. Я помню, во времена моей молодости в Москве это называли *Ампир во время чумы*. Имперский стиль сталинских годов – здание Московского государственного университета. Вот этот стиль мы называли Ампиrom во время чумы. И у меня в связи с этим к профессору Погосяну вопрос. Вот вы, если я не ошибаюсь, строили Кукурузу, которую недавно снесли. Вы же являетесь одним из архитекторов, работавших над планом кинотеатра «Россия». Т.е. вы являетесь одним из авторов прежней версии Еревана, версии 0.1 или 00, как ее там называют. Вот вы же являетесь автором новой версии Еревана. Вы же говорите о традициях, о том, как они важны. Вот когда вы прежний Ереван строили, у Вас было другое ощущение традиций, нежели сейчас. Вот есть у Вас ощущение некоего ключа, в котором все идет, или же вот как Левон Абрамян говорит, между капельками. Как Микоян, вот есть какой-то зазор, в нем что-то и троим? Или все-таки нет? Спасибо.

Г.П.: Как живой свидетель того, как это все создавалось, я хочу сказать, не потому что я один из авторов этого здания, а потому что я – ереванец, я всю свою жизнь живу в Ереване, и все происходило на моих глазах – протестов никаких не было. Дворец молодежи построился и пользовался колоссальным успехом, и там был большой зал на 1,000 мест, был ресторан, была гостиница. В ресторане пол вращался, и это пользовалось

большим успехом. Туда записывались на несколько дней вперед. И то же самое относится к объектам, которые мы строили. В кинотеатр «Россия» народ ходил, как на экскурсию. Я считаю, что, во-первых, эти все здания, которые считаются постмодернизмом, или скорее советским модернизмом – эти здания воплощают в себе идею новой архитектуры на основе традиционных принципов. Если мы сегодня увидим на месте дворца молодежи произведение японского архитектора, которое, наверное, вы все видели – вот это действительно средняя типовая мировая архитектура, которая ничего общего с армянской не имеет. И она, если появится, это будет то, что вы говорите, это будет абсолютное зачеркивание всех традиций.

Ева Саргсян, архитектор-теоретик: У меня вопрос к Левону Абрамяну. Уже несколько лет циркулирует такое понятие Северного проспекта, как вы сказали, тоталитарное. Когда мы говорим тоталитарная архитектура, по крайней мере для меня лично, нужно понять 2 аспекта: чисто визуальный образ, т.е. объемно-пространственная структура, композиция – некая монументальность, давящая – не давящая, пышность, богатство, в разные века по-разному выражающаяся; и второй – это тот социально-политический контекст, на основе которого этого проекта осуществлялся. Конечно же, визуальный образ определяется, в том числе и политическим заказом. Что именно вы подразумеваете, называя Северный проспект тоталитарным: визуальную составляющую или все-таки ту идеологию, на основе которой он был реализован? И если второе, то в чем заключается, каким образом можно объяснить, почему это тоталитарная архитектура?

Л.А.: Очень сложный вопрос, очень хороший. На него очень долго отвечать, но я попытаюсь очень кратко ответить. Во-первых, то что проспект явился как решение первого человека того времени, Роберта Кочаряна – кстати сказать, он и считал его своим детищем – это выражает идею элитарности, которая сегодня заменила термин «тоталитарности». Это, скорее всего, Культура 2 нового времени, имеющая некоторые признаки тоталитаризма, хотя бы в том, как решен и визуально тоже. Таманьяновские здания тоже являются представителем Культуры 2, так же как и великие произведения Средневековья.

Г.П.: Я хочу добавить. Когда я сегодня поднимался сюда, меня спросили о проекте «Старый Ереван» (есть такой проект, который должен проходить на главном проспекте). Я сравнил его с тбилисским районом Авлабар. Я хочу, чтоб вы сказали, как вы относитесь к восстановлению старого, почти из ничего в Ереване, и в Тбилиси - к прибавлению каких-то декораций и т.д.?

Л.В.: О Ереване мне, конечно, трудно говорить. О Тбилиси – реновация города приняла у нас очень широкий масштаб. Во главе этой идеи, конечно, наше правительство, президент, мэр города – это очень мощная вертикаль, я бы сказал, которой пытаются, по средствам обновления, новоделов, реминисценции и других приемов, продемонстрировать новый образ Тбилиси и показать его всему миру. Вот, если вы посмотрите все интервью нашего

президента западным компаниям, практически все они проходят на фоне нового моста, т.е. желание показать обновление страны через обновление столицы – это лежит в основе вот этой философии/идеологии. Что касается, методологически. Конечно, в советское время, когда мне доводилось работать в управлении охраны памятников, мы были гораздо более осторожны по отношению к наследию, в том числе и урбанистическому, хотя и обновление Тбилиси началось в 70-ых годах при Шеварднадзе – это была его идея. В это движение восстановления памятников он и пытался перенаправить энергию молодежи, когда начинал брожение умов по поводу независимости. У него это была довольно успешная политическая идея, ему это относительно удалось. Что касается нынешнего обновления: если вы последние года 2 там не были, вы его не узнаете. Работы велись день и ночь. Есть очень хорошие решения, в частности раскрытие маленькой речушки в районе серных бань, т.е. гидрореставрация произошла и сейчас можно спокойно пройти метров 300 по ущелью до водопада – это, конечно, великолепное решение. Есть и сомнительные решения, скажем проспект Плеханова, бывший, нынешний – проспект Давида Строителя. Искусствоведы его полностью не принимают, в виду того, что там много нововдела. И нынешняя улица Марджанишвили – туда очень мощно инъецировали стиль модерн, ну понятно, 100-летней давности стиль модерн. Я не вижу в этом трагедии, потому что, видимо, город Тбилиси испытывает комплекс неполноценности из-за того, что у него недостаточно строений в данном стиле, по сравнению с Ригой, Львовом, не говоря о Вене, Берлине, и т.д. Я думаю, что все это приживется. Что касается, проспекта Плеханова – это второй по значению проспект в Тбилиси – у меня к нему в целом тоже положительное отношение, потому что там вырубил платаны, которых у вас в Ереване тоже много, и город обнаружил архитектуру проспекта. Даже какое-то напоминание Невского проспекта, конечно в более провинциальном варианте. В целом, я думаю, Тбилиси от этих реконструктивных мероприятий только выиграл. Другой вопрос, насколько все это было первостепенно и во что это обошлось городу. Одно из слабых мест нашего урбан менеджмента – это PR. Один пример приведу. Когда на проспекте Плеханова вырубил деревья, которые сами по себе аллергики, они разрушали подземную инфраструктуру, сети, фундамент, но публика восприняла в виду того, что зеленая тема главенствует сейчас в Тбилиси. Но дело в том, что это не были городские деревья, по западному принципу. Они не были подстрижены, причесаны, они были пущены в рост, которые сами испытывали дискомфорт от городской среды. Наверное, коллеги знают, что есть деревья урбофобы и урбофилы. Это как раз были урбофобы, которые сами боялись городской среды и росли в уродливом виде. Вот это все не было сказано людям, т.е. не сочли нужным общаться с собственными согражданами, согорожанами. Поэтому я и говорю, что мягкое отношение в урбан-менеджменте не менее важно, чем создание даже архитектурных шедевров. Соучастие населения в принятии решений, так называемая теория партисипации, которая насчитывает около 100 лет, она только-только начинает делать первые шаги, по крайней мере, в Тбилиси.

Д.М.: Слово передается господину Искандаряну, который давно уже пытается задать вопрос.

А.И.: Поздно уже, господин Погосян уже задал мой вопрос. Но я хочу его продолжить. Ладо, я понимаю, что о Ереване ты говорить так, как про Тбилиси, не можешь, но все же, ты тут бываешь, ты видишь динамику. Можешь ли ты сравнить политику, которая проводилась в Ереване и в Тбилиси во время перемен или хаоса, как это было сказано, постсоветского периода? Не сами города, города очень разные, а вот динамику и политику здесь и там. Если господин Погосян достаточно хорошо знает Тбилиси, то была бы любопытна его точка зрения.

Л.В.: Я постараюсь оценить ситуацию. Вы знаете, что в советское время, генеральный план города мы называли конституцией города. И такое отношение к генеральному плану продолжает бытовать среди архитекторов, градостроителей, коллег. Я думаю, что это неправильное видение. Сегодня генеральный план – это не конституция города, а многостороннее соглашение. В советское время был один субъект городского развития – это власти, т.е. один и тот же субъект его заказывал, контролировал, проверял, реализовал и т.д. Сегодня столько субъектов градоразвития, сколько собственников на недвижимость, начиная от владельцев больших территорий и кончая членами товарищества, которые решают, как, в определенной степени, развивать свое товарищество и т.д. Это что касается самой философии перемен. В Тбилиси долгое время не было генерального плана – последний ген. план 3-го поколения был утвержден в 1970 году на 30 лет. Сегодня не возможно планировать даже на ближайшие 5 лет. Это исключительно сложно. Повторюсь, нормативный срок последнего генерального плана истек в 2000 году, президент Шеварднадзе ничего не сделал, чтоб обновить его под новую философию, и мы, фактически, жили без генерального плана. Только несколько лет тому назад был разработан новый план, но не новый генеральный план реконструкции и развития, как это было в советские времена, а генеральный план землепользования (land-use plan), т.е. перенесена концепция запада на нашу почву. Конечно, здесь основной интерес – фискальный эффект: продать побольше земель, побольше получить дохода, и т.д. Что касается институционального устройства, то мы полностью разрушили в Грузии институциональную составляющую городского развития. В советские времена, было 2 ведомства, которые всегда соперничали между собой – это были Госплан и Госстрой. У Госплана были безмерные аппетиты на территорию, Госстрой пытался сдерживать их, очень часто. Сегодня наша проблематика утонула в недрах министерства экономики. Теперь, что касается городского уровня. Наше грузинское законодательство утверждает, что все генеральные планы разрабатывались на уровне местного самоуправления. Наверное, у вас тоже так. Но что интересно, скажем, в Тбилиси, ведущем городе, главный архитектор не архитектор по образованию. За период независимости он уже 15-ый глава ведомства. Из них последние 5 без архитектурного образования. Это юристы, которые подходят к вопросу именно с фискальных интересов, и очень часто результаты у нас на глазах. Что

касается меня, как частого гостя Еревана, мне кажется, что застройка переуплотнена. Функционально очень насыщенный город – это хорошо. Я думаю, что социальная жизнь города продвигается вперед – это, конечно, достижение частной собственности и на каждом шагу видна предпринимательская жилка населения, желание заработать деньги, в хорошем смысле этого слова. Ереван, по-моему, становится, более удобным для жизни. Не могу коснуться генерального плана, т. к. не знаком с ним. Думаю, что это очень интересное сопоставление двух городов, интересная находка Фонда им. Генриха Белля и Института Кавказа, что необходимо вести диалог на эту тему, тем более, что мы очень разошлись не в плане географическом, а в плане социальном. Мы чаще общаемся с Германией и Америкой, чем с Арменией. Это видно не только по совместным проектам, но, скажем, и по уменьшению интенсивности на дороге, ведущей из Еревана в Тбилиси.

Шогик А.: Вы хорошо напомнили нам, студентам 60-ых, как часто мы общались и дружили. Часто ходили посещать памятники архитектуры обоих городов. Но сейчас уже это все меньше и меньше, и нам надо подумать об этом. Но я хотела затронуть следующую тему: мы коснулись того, что до революции известные армянские архитекторы участвовали в строительстве города Тбилиси и оставили немалое наследие. В общем, это был интернациональный город, где было создано поле для творчества и без разницы, какой национальности творческие лица были. Нам сейчас грустно становится, что сносятся многие памятники, построенные армянскими архитекторами.

Л.В.: Спасибо за ваши воспоминания. Я их тоже разделяю. Конечно, здание, которое определило все будущее проспекта Руставели – это здание нынешней гостиницы Мариотт, которое было построено Тер-Микеловым, армянским архитектором с парижским дипломом. В Сололаки много объектов у архитектора-техника Саркисова. Что касается сноса – тут никакой национальной подоплеки нет. Под снос было обречено здание ИМЕЛ, если знаете, в Тбилиси на Руставели – это Щусев и только благодаря протесту общественности его удалось сохранить, но очень дорогой ценой – арабский инвестор выкупил эту территорию и пытается построить 130 метровую башню, Бурдж-Аль-Тифлис, я бы так ее назвал. Публика очень протестует. Сносятся очень многие здания не только армянских архитекторов, но и русских, польских 19-го века, так что здесь никакой национальной нацеленности явно нет, но кое-что подобное могло быть в 30х гг., когда был снесен Ванский монастырь, там сейчас остались только башня и колокольня. Но тогда сносились и грузинские церкви, на месте которой построен кинотеатр «Руставели».

Н.И.: Возвращаясь к Культуре 2: когда живешь в городе, а не приезжаешь туда туристом, не фотографировать высотку на Смоленской набережной, или Оперный театр, или что-нибудь на Леселидзе, а когда там живешь – архитектуру тогда немножко по-другому воспринимаешь, например, она для тебя или не для тебя. Вот, мы сегодня с профессором Вардосанидзе прошли всю улицу Езника Кохбаца пешком, без тротуара, и нас там пытались задавить. Это ведь не Сингапур и не американская провинция, где люди, правда, ездят на автомобилях и, правда, не ходят пешком. Это город, где сотни тысяч людей ходят

пешком. Поэтому я очень нежно люблю Северный проспект за то, что там можно ходить и там меня не давят. Вот если с этой точки зрения посмотреть на новую архитектуру Еревана и Тбилиси: если это мост, то у него есть место для пешеходов, если это высотное здание – то там есть въезд, подъезд, гараж, тротуар и даже детская площадка. Если с этой точки зрения, господин Погосян и господин Вардосанидзе, есть ли динамика?

Л.А.: Я добавлю, перед тем как передать слово. Я помню, что Ладосанидзе мне как-то показывал Тбилиси с точки зрения отсутствия тротуаров. Нина правильно заметила, но судить об архитектуре только по пешеходным тропинкам тоже, я не думаю, что правильно. С культурологической точки зрения, данное преимущество Северного проспекта – это такая малая часть. Все же там по стр о вы до ма, в ко т о р ы люди до лжны жить или то , что полностью отсутствует зеленый слой, там сплошной бетон. Это лишение Еревана очень многих вещей. Здесь вопрос о том, что элитарность в том, кто там живет. Не говоря о том, как этнографы подтверждают своими конкретными микроисследованиями, что Северный проспект превращается в мертвую среду, которую покупает диаспора. Совершенно новые аспекты взаимоотношения – родина и диаспора, не говоря уж о донорах, как сказал господин Погосян. Именно они и диктуют. И здания, которые он делает и вынужден делать, потому что так требует донор, а не то, что совет решил. Но протесты были не против зданий, а против того, что Католикос может принимать решения за город. Т.е. это и есть тоталитарный подход к городу.

Л.В.: Я попытаюсь ответить на примере Тбилиси. К сожалению, независимость и демократия, или квази-демократия, она не привела к повышению значения общественных пространств в городе, так называемых «public spaces». Более того, эти пространства, в первую очередь, сады и парки, съеживаются как Шагреневая кожа. В советское время забота об этих пространствах была, хотя бы потому, что общество было управляемым и никаких рисков общественное пространство в себе не несло. С другой стороны, демократизация нашей жизни, конечно, привела к необходимости, возникновения новых типологических состояний города. Например, последнее событие Грузии, оно потребовало новых пространств для проведения массовых акций, чего город не мог предоставить и в основном, использовалась центральная площадь и проспект Руставели. Город в этих случаях становился парализованным. На мой взгляд, необходимо создавать те пространства, открытые или закрытые, где горожане могли бы собраться и обсуждать проблемы. Это типологическая группа абсолютно у нас не разрабатывается в плане развития города. Муниципалитет считает, что мэрия и городской совет вполне достаточны, а людям для общения – им предоставлять пространства совершенно излишне.

Г.П.: Вы начали с тротуара, которого нет и вы сказали, что вам нравится проходить по Северному проспекту. Я может быть скажу крамольную вещь, но мы иногда говорим, что мы делаем все для народа, но в то же время мы не учитываем нужды и мнения того же самого народа. Вот если вы сейчас пройдете по тому же самому Северному проспекту, который ругают вдоль и поперек, множество там и молодых и старых, жизнь бьет ключом,

никто не смотрит на этажность зданий, потому что жизнь начинается с тротуаров и заканчивается на высоте 3х метров и все. А вот эта жизнь там великолепно организована. Там есть великолепные магазины, кафешки и т.д. И то же самое, когда мы боремся за то, чтоб не ставили кафе на кольцевом бульваре, сохраняя зелень. Я иногда прохожу по бульвару у Оперы, и случайно прохожу через эти кафе, а не по площади, смотрю, там много народа, очень много и они великолепно себя там чувствуют. И тогда я думаю, о чем мы говорим? Мы, как будто, сражаемся с ветряными мельницами, т.к. оказывается это народу нравится. Теперь мы за что? Мы за народ или против него?

Смбат Акопян, этнолог: Хотел задать вопрос господину Погосяну. Вы сказали, что город – это не только визуальный, но и социокультурный аспект, и они связаны между собой. Можем ли мы, исходя из примера Северного проспекта, сказать, что вырисовывается какая-то картина современной архитектуры Еревана, которая создается на основе каких-то социальных групп, каких-то субкультурных элементов. Ну, скажем, Северный проспект представляет какой-то элитарную группу. Можно ли сказать, что такие тенденции есть?

Г.П.: Такие тенденции есть, и эти тенденции не плод воображения архитекторов, а плод того, что наши системы государственные поменялись, и сейчас элита имеет возможность строить для себя здания и дома. Вот и все. Неэлитарных домов у нас, к сожалению, пока нет. Есть нескольких примеров– это районы, которые строятся дальше соляных копий. Там строятся здания для студентов и т.д. Но это мизер по сравнению с тем, что требуется. Поэтому сейчас именно строятся элитарные дома и это неизбежно. Они имеют деньги, и они заказывают музыку. И ни один архитектор, в том числе и я, не может с этим бороться, потому что социальная структура такая.

Грант Микаелян, Институт Кавказа: У меня вопрос к господину Ладю. Вот вы говорили о глобальных городах. Я понимаю, что список будет большим, но поскольку у нас есть немного времени, скажите, пожалуйста, что бы вы в первую очередь отметили, чего не хватает Еревану и Тбилиси, чтоб быть глобальными городами.

Л.В.: Ни Тбилиси, ни Ереван глобальным городом не станет в обозримом будущем, к сожалению. Речь идет о том, чтоб занять как можно более высокую позицию во всей иерархии и, повторяюсь, что Балтийский пример уже существует, и, к сожалению, наш регион этим не занимается. Если посмотреть на наш регион, то видимо лидирующим городом является Стамбул, и вряд ли кто-нибудь с ним будет конкурировать. А уже в следующей позиции – тут мы должны быть конкурентами. Дружеские отношения и коллегиальность – это хорошо, но города, конечно же, конкурируют. Конкурируют за инвестиции, за место под солнцем. Тут можно назвать много параметров. И по многим параметрам мы уступаем Еревану, но есть параметры, по которым мы лидируем в силу политической ситуации региона. У вас больше международных рейсов, у нас больше международных организаций. Ваш большой плюс, конечно, это диаспора, которой у нас нет. Но при сложившейся ситуации, Тбилиси является медиатором в регионе между, как

вы понимаете, Арменией и Азербайджаном. Платформа для общения, для встреч - это скорее Тбилиси, чем какой-либо другой столичный город в регионе. Хотя повторяю у Баку свои преимущества, между прочим, тоже международные организации, в основном нефтяного профиля. Эту конкуренцию мы не чувствуем, но должны чувствовать руководители города, и, конечно же, страны и пытаться всеми доступными способами продвигать город по этой иерархии. Еще раз скажу, что сегодня конкурируют больше города, чем страны.

Г.П.: Я по этому поводу хочу сказать следующее: и слава богу, что Ереван не может стать глобальным городом. Это для нас гибель, если вы хотите знать. Почему? Потому что, Армения – это одно, а вот Азербайджан, Грузия - это другое. У нас в Ереване и в ереванской конгломерации живет примерно 2 млн. человек. Остальной 1 млн. живет в разных северных регионах. В сьуникском районе живет 200 тыс. человек, и то это было 10 лет назад. И все это благодаря тому, что часть населения мигрирует, а часть населения переезжает в Ереван. Ереван становится гипергромадным городом по отношению к территории нашей страны, и губит эту самую страны. Наоборот, нам надо думать, как разгрузить данный город, сделать его не миллионным, а предположим, как в некоторых европейских странах, где существуют столицы с полумиллионным населением. Мы не должны сравниваться с Москвой или Нью-Йорком, мы должны сравниваться с Брюсселем, или с другими европейскими городами такого рода. И нам жизненно необходимо разгрузить Ереван и увести население куда-нибудь на юг, поближе к персидской границе.

Л.В.: Я прокомментирую позицию господина Погосяна. Наконец-то можно поспорить. Дело в том, что очень часто принято обвинять большие города в том, что они привлекают население и т.д. Здесь есть хороший ответ, хорошая формула. Большинство людей умирают в постели, но не постель является причиной их смерти. Т.е. не сам город является причиной осложнения ситуации, нужно смотреть на страну, чем конкретный город, и здесь я с вами полностью согласен, что система расселения, которая является частью нашей профессии, полностью игнорирована в моей стране, я надеюсь, что у вас это лучше построено. Распределение производительных сил по стране более равномерно, тем более, что вы единственная постсоветская страна, где есть министерство градостроительства. Всюду идет тенденция к, во-первых, гуманизации этой структуры, и ее выхода на регионы. Нынешняя тенденция – это министерство регионального развития и инфраструктуры. Это тенденция во всем мире, а в идеале – это уже скандинавская модель, где министерство среды. Не охраны среды, а министерство среды, т.к. антропогенную среду очень сложно отделить сегодня от природной. Каким воздухом мы дышим? Природным или это коктейль из выхлопов автомобилей? Какую воду мы пьем – с хлором или без? Эти среды сегодня разделить практически невозможно, и поэтому, я повторяю, я считаю, что очень важно сместиться от проектного мышления городов к мышлению более

гуманитарному, гуманистическому, экологическому, если угодно. А в идеальном случае, совместить эти оба подхода в одном методике.

Л.А.: Не совсем обобщение, но последние пару слов, чтобы не создалось бы впечатление, что жить стало лучше, стало веселей. Как часто люди из диаспоры делают этот вывод, приезжая на пару дней, проходя по Северному проспекту и побывав в кафе, где они могут потратить меньше денег, чем в Америке, и уезжают. Я, как антрополог и этнограф общаюсь с простыми людьми больше, может быть, чем другие специалисты, и могу сказать, что исследования показывают, что в эти кафе ходит очень маленький процент населения. Средняя зарплата студента из небогатой семьи или простого служащего недостаточна, чтобы ходить и заполнять эти кафе. Так что это немного больше видимость хорошей жизни, чем реальность. Это опять-таки расслоение населения и элитарность. А люди, которые жили на этом месте, и что с ними стало, и как это делалось, опять отвечая на ваш вопрос, тоже признак тоталитаризма, то как строится нечто, не учитывая желания тех, кого оттуда согнали.

Д.М.: Спасибо. Я думаю, мы подходим к завершению данного разговора, ибо как гласит мудрость, разговор на какую-то тему надо закончить за 5 минут до того как не устали. Мне было очень интересно, ибо выяснилось, что города, которые обладают сильной индивидуальностью и абсолютно непохожие, обладают схожими проблемами, тенденциями развития последнего двадцатилетия, и т.д., потому что все мы живем в одном времени, времени больших, так сказать, социальных, исторических, социально-психологических сдвигов, перемен, которые отражаются и на городской судьбе. Но я хотел бы выделить один аспект, который действительно решающим образом сегодня диктует неизбежные изменения не только в градостроительстве, но и в социальном содержании того или иного города. Это очень глубокое изменение восприятия себя самого, т.е. таясь на одной и той же географической точке, мы поменяли свою конфигурацию, в том смысле, что столицы независимых государств. Это серьезное изменение. Может понравиться, может не понравиться. Можете вы в этом процессе выявить колоссальное количество проблем, истолковать или показать негатив, показать позитив, но до того, мы тоже достаточно яркие города, столицы союзных республик, мы не были объектами большого мира. Теперь когда мы стали столицей, это очень многое меняет и в самоощущении гражданина и горожанина, и диктует какие-то новые содержательные факторы, начиная от дип.миссий, например. Это все действует не только на градостроительство, но и на социальную составляющую наших городов, на психологию нового горожанина Тбилиси и Еревана. Второе, что я хотел отметить, оба наших города были удивительно человечными, даже в общем Советском Союзе. Я имею в виду внутреннюю городскую структуру. Таманян спроектировал город, обращенный к человеку. Город с парками, для того времени, с широкими улицами, с межгородскими пространствами. В 60-ые гг., когда проходила моя юность, и Грачья Погосяна, мы ощущали, что этот город не подавляет человека своим образом. Это был город,

обращенный к человеку, хотя и в тоталитарной, авторитарной стране. И в этом смысле, когда господин Абрамян о Культуре 2, я подумал, что это телеканал. Потом выяснилось, что это нечто иное. Когда он говорил про Культуру 2 и привел пример таманяновского оперного здания, я подумал, что он в реальности ведь очень напоминает Храм Звартноц. Как он реинкарнирует этот храм в XX в., именно в условиях Советского Союза, в самое тоталитарное время, связывая столицу Армении с ее духовной исторической генетикой. Глубинная связь этого нового, захолустного Еревана, о котором говорил Грачья Погосян, Еревана, куда люди входили в дома через достаточно низкие арки, и входили, немножко сгибаясь, а потом, посмотрев на Оперу, их спины выпрямились. И целое поколение армян уже стало немножко другим. Я говорю метафорично, но все-таки это очень серьезный фактор: поставить в центре города в советской стране дом народов, потом театр Оперы и Балета, который все время на подсознание работает как храм Звартноц, и прямиком связывает тебя с твоей столицей Ани, а то и дальше, в глубь, вплоть до VII-VIII веков. Это была серьезная философская и идейная заявка, не только архитектурная. И город Таманяна был построен как культурная столица, столица культуры, науки, в дальнейшем и промышленности. Теперь произошло смещение. Именно культурный элемент в центре города уменьшается – пространство, которое занимает культура, и в которой жил ереванец, зная, что культура – это то, что именно в центре города, т.е. библиотеки, книжные магазины, кинотеатры и театры должны быть в центре города. Это все отходит. Здесь вспомнили о таллиннской аптеке, которая недалеко от дворца Павла Великого. Таллинец знает, что 200-300 лет вот здесь именно аптека. Вы тоже знали, что на улице Абовяна есть книжный магазин. Недавно я прочитал, что, после того, как у здания МИДа есть собственники и это здание должно стать гостиницей, я думал, а вдруг исчезнет и тот книжный магазин, этот уже культовый, знаковый книжный магазин для Еревана. Вы представляете себе город, где в самом центре нет библиотеке, особенно в городе, который в этом году объявлен книжной столицей. Пропадает именно это гуманистическое культурное начало, которое является формирующим фактором, потому что сначала люди строят город, а город потом начинает создавать себе подобных людей. Вот именно это гуманитарное начало за последние 20 лет сократилось, в виду того, что идеологией с 90-ых гг. был рынок, и как следствие, был задуман и осуществлен Северный проспект. Рынок всего лишь механизм, он не может быть философией народа, страны, столицы. Философия состоит из иных компонентов, которые определяют место и цели данной нации в данное время, учитывая так же и исторический опыт. Поэтому я приветствую желание построить театр для Соса Саргсяна, и построить его именно в центре Еревана, чтоб это являлось так сказать определенным сообщением, что есть нечто другое, кроме бизнеса как самоцель, бизнеса как пропуск в XXI век, изменения Еревана, как именно бизнес города (визитной карточкой этого является Северный проспект). Никто не отрицает, что это тоже важно, но постройка театра на месте, где раньше был бетон, и которое является общественным местом, показывает поворот градостроительства в сторону культуры, в сторону человека. Однако, это вызвало протест не со стороны властей, а со стороны той же общественности,

причем молодежь. С такими модификациями мы сталкиваемся, живя в достаточно неоднозначное время. Я хотел бы сказать, что очень много хорошего тоже происходит на наших глазах. Но единственное, увлекаясь современным и хорошим, мы можем забывать про нашу ответственность перед наследием и в Ереване, и в Тбилиси, с культурными слоями и культурным наследием самых разных народов, ставшими уже нашим собственным наследием. Поэтому я хочу поблагодарить наших экспертов, потому что с ними было очень интересно. Поблагодарить слушателей, которые задавая умные вопросы, заставляя нас чувствовать умными тоже.